

помощь 103 семьям [4, с. 31]. Как видим, трудовые дружины в 1916 г. имели большую численность, чем в 1915 г. В 1916 г. в Калуге к организации трудовых дружин присоединились Калужское Романовское высшее начальное училище в составе 17 учащихся и частное реальное училище Ф.М. Шахмагонова, сумевшее организовать дружину из 15–20 учеников. Отметим, что в 1916 г. к организации трудовых дружин для помощи в полевых работах присоединился и Лихвинский уезд. [3, оп. 2, д. 19].

Итак, итогами организации трудовых дружин учащихся являлись: реальная безвозмездная помощь семьям лиц, призванных на войну; возможность для учащейся молодежи реализовать себя в желании помочь защитникам страны и их семьям; сплочение учеников различных сословий, возрастов, учебных заведений ради одной цели – победы русской армии во Второй Отечественной войне, как называли ту войну современники.

Библиографический список

1. Белова И.Б. Калужская губерния в годы Первой мировой войны // От села Кондырево до города Кондрово: Материалы третьей районной краеведческой конференции. Калуга, 2016. С. 268–287.
2. Букалова С.В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодежной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17).
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 73.
4. Ежемесячник комитета ЕИВ Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1916. № 11–12. Ч. II.

**Д.А. Борисевич, Д.В. Курганевич,
И.С. Ильина, А.А. Высоцкий**

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Государственный архив новейшей истории Новгородской области*

ПРОЦЕСС КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ «МЕСТ ПАМЯТИ»: ПРОБЛЕМА ПОИСКА И ЛОКАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДА 1954–1991 гг.)

Исследование выполнено при поддержке Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого в рамках проекта “Карта памяти советского новгородца” (грант для молодых ученых на исследования в сфере социально-гуманитарных наук “Культурный код”)

В настоящее время изучение культурного кода города и его влияния на идентичность становится все более актуальным. Под ним понимается междисциплинарное направление, объединяющее исторические, философские

и социологические исследования. Культурный код города отражает характерное поведение, идеалы и места памяти. Семиотическая парадигма рассматривает коды как инструменты интерпретации культурных текстов [2, с. 165]. Культурный код представляет собой способ хранения, репрезентации и трансляции культурных смыслов в социальном пространстве. Он обеспечивает идентификацию сообществ, сохраняет важные события в коллективной памяти и выражает коллективную идентичность [4]. Места памяти играют ключевую роль в формировании идентичности и могут быть как материальными, так и символическими элементами наследия памяти общности [5, с. 20, 1].

Подход, предложенный К. Линчем, определяет восприятие городской среды как ее «читаемость» для отдельных людей. Он считает, что ясность визуальных образов города является ключевым критерием его узнаваемости. Однако он также подчеркивает, что восприятие города формируется коллективным опытом его обитателей и связано с символической оболочкой, которая накладывается на основной каркас. Таким образом, определенные точки городского пространства носят символическое значение и вызывают у жителей определенные коллективные ассоциации [3].

Во время Великой Отечественной войны Новгород сильно пострадал, но после войны город начал восстанавливаться благодаря людям из разных регионов страны, что привело к формированию нового культурного кода. После распада СССР и последующих кризисов, локальная идентичность начала теряться. С появлением новых поколений новгородцев и неравномерным развитием города, культурный код стал размытым и фрагментарным. Возникла необходимость в передаче наиболее ценных черт культурного кода предыдущего поколения новому.

Для решения указанной проблемы, в рамках грантового исследования в сфере социально-гуманитарных наук «Культурный код» Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, нами был предложен проект по созданию интерактивной карты, на которую необходимо нанести городские «места памяти». Объектом нашего исследования стали воспоминания новгородцы 1957-1970-х годов рождения, у которых сформировался определенный локальный культурный код. Сохранение их воспоминаний позволяет продемонстрировать, сложившуюся за несколько десятилетий идентичность новгородцев.

Цель проекта – анализ и идентификация культурного кода советского Новгорода в послевоенный период для дальнейшего сохранения и популяризации его среди современных поколений.

Картирование позволяет провести детализацию хронологии, местоположения, границы городских «мест памяти», а также предоставить пользователю обширный инструментарий визуальной информации и пояснительных текстов.

Для первичного сбора информации о «местах памяти» нами была собрана информация из публикаций в областных газетах (Новгородская правда,

Новгородский комсомолец), из архивных источников, фотографии из местных групп, посвященных Великому Новгороду. Далее нами собрано 32 опроса (с помощью google-опроса) и 15 глубинных интервью. За основу была взята туристическая карта 1979 года, как наиболее полная. После обработки информации мы приступили к нанесению точек на интерактивную карту. Командой проекта была проведена большая работа по поиску газетных, архивных материалов, проведению опроса и глубинных интервью. Создан не имеющий аналогов прототип интерактивной карты, активно дорабатываемый в данный момент.

Библиографический список

1. Колоницкий Б.И., Мацкевич М.Г. Ленин как “место памяти” постсоветской России. Память о политике и память о мемориальном проекте // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 125-137.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек: текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 464.
3. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. 2009. С. 67-81.
4. Федотова Н.Г. Культурный код города // Слово. ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 4. С. 10-24.
5. Nora P. Comment écrire l'histoire de la France? II Les lieux de memoire. Т. III. Les France. Vol. I. Paris: Gallimard, 1992 p. 200.

Д.А. Бакланов

Российский государственный гуманитарный университет

РИЧАРД ПАЙПС: ИСТОРИК, ПОЛИТОЛОГ, ИДЕОЛОГ? К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ («Интеллектуальная биография в исследованиях молодых историков») (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»)

Попытки написать биографию видного американского историка – Ричарда Пайпса (1923–2018) – не раз предпринимались исследователями [4; 5]. Случай Пайпса уникален и примечателен тем, что его фигура предстает на стыке различных профессиональных ориентаций. Но как формировался комплекс некоторых из вышеперечисленных представлений о его профессиональной принадлежности? Какое значение это имеет для конструирования его интеллектуальной биографии, а также конкретизации отдельных историографических клише?

Дефиниции Ричарда Пайпса с точки зрения его профессиональной деятельности различны, а порой и диаметрально противоположны. Помимо